

Мика Эрли

Человеческая колония:

СИМБИОГЕНЕЗ И СИМПОЭЗИС В ТВОРЧЕСТВЕ

К. С. МЕРЕЖКОВСКОГО И А. А. БОГДАНОВА

Mieka Erley

The Human Colony: Symbiogenesis and Sympoiesis in the Works of
K.S. Merezhkovskii and A.A. Bogdanov

Мика Эрли (Колгейтский университет, Нью-Йорк, США, доцент в междисциплинарной программе по изучению России и Евразии; PhD) merley@colgate.edu.

Mieka Erley (PhD; Associate Professor, Russian and Eurasian Studies Program, Colgate University, New York, USA) merley@colgate.edu.

Ключевые слова: А.А. Богданов, К.С. Мережковский, симбиогенез, эусоциальность, утопия, разделение труда, Герберт Спенсер, симпоэзис, Донна Харауэй

Key words: A.A. Bogdanov, K.S. Merezhkovskii, symbiogenesis, eusociality, utopia, division of labor, Herbert Spencer, sympoiesis, Donna Haraway

УДК: 504.75+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_87

UDC: 504.75+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_87

В данной статье Эрли показывает, какую интерпретацию разделение труда получило в философских и художественных произведениях К.С. Мережковского и А.А. Богданова. В статье подробно рассматриваются их рассуждения о симбиогенезе и колониях эусоциальных насекомых как моделях социальной организации с целью продемонстрировать, насколько различные политические утопии были построены этими авторами, несмотря на общность повлиявших на них источников и использованных ими естественнонаучных примеров. Наконец, в статье идеи Богданова и Мережковского о человеческой колонии поставлены в контекст гипотезы Геи у Линн Маргулис и концепции симпозиуса Донны Харауэй.

In this article, Erley considers how the division of labor is treated in the scientific, philosophical, and fictional works of K.S. Merezhkovskii and A.A. Bogdanov. Focusing on their discussions of symbiogenesis and eusocial insect colonies as models of social organization, this article shows how the two authors built divergent political utopias on the basis of shared intellectual influences and the same scientific case studies. Finally, the article considers Merezhkovskii's and Bogdanov's ideas on the human colony in relation to Lynn Margulis' Gaia Earth theory and Donna Haraway's concept of *sympoiesis*.

Введение

В одной из своих недавних работ о «породнении» американский специалист по теории науки Донна Харауэй достраивает антропоцентрическую концепцию *поэзиса*, или миротворения, до того, что она называет «симпоэзисом» — «со-творением» [Haraway 2017]. Симпоэтическое видение коллегиального порождения жизни, предложенное Харауэй, — это творческая переработка в расширенном теоретическом и семантическом диапазоне двух биологических концепций: аутопоэзиса и симбиогенеза, — историю последнего исследовательница возводит к работам Константина Сергеевича Мережковского (1855—1921), российского биолога и писателя, брата поэта-символиста Дмитрия Сергеевича Мережковского. Возвращение в научный обиход ранних российских

работ по симбиогенезу было инициировано российским историком биологической науки Лией Николаевной Хахиной и американским микробиологом, сторонницей гипотезы Геи Линн Маргулис [Khakhina 1992]. Маргулис начала проводить экспериментальные исследования в области симбиогенеза в 1960-х годах: техническое усовершенствование электронного микроскопа и открытия в молекулярной биологии позволили ей подтвердить теорию о том, что хлоропласты в растениях произошли в процессе эволюции от независимых цианобактерий и что митохондрии во всех эукариотных клетках сходным образом развились из свободноживущих бактерий. Подобное представление о симбиотическом происхождении биологической клетки подвергало сомнению понятие единичного человеческого существа, четко соблюдающего гигиенические границы между «я» и «другой». Как мы теперь знаем, в человеческом теле кишит жизнь: здесь и бактерии, и грибки, и археи, и вирусы. Мало того, что человеческое тело — это как холобионт, так и холобиом, то есть и участник, и среда симбиоза. Согласно теории симбиогенеза, даже сама эукариотная клетка как базовая и функциональная единица многоклеточного организма произошла от симбиоза свободноживущих организмов, сложившегося в процессе эволюции. Мы с самого начала были комплексом симбионтов.

Привязка теоретических положений Харауэй к русской культуре *fin de siècle* отнюдь не случайна. Российские интеллектуалы, особенно враждебно воспринявшие мальтузианские аспекты дарвинизма, подчеркивали важность кооперации в природе и выдвигали суждения, которые подрывали теоретические основы концепции «борьбы за существование»: самым ярким примером здесь может послужить теория взаимопомощи, разработанная Петром Кропоткиным¹. Харауэй солидаризуется с этой контртрадицией, предлагая симбиогенез в качестве альтернативной основы для понимания многоплановых, комплексных отношений между различными формами человеческой и нечеловеческой жизни. Сходным образом другие современные теоретики, например Макензи Уорк, стремятся возродить интерес к тектологии Александра Александровича Богданова, видя в ней «опору, на которой можно построить практику знания для эпохи» изменения климата [Wark 2016: 7]². Такое современное переосвоение идей Мережковского и Богданова, фигур с противоположных концов политического спектра, дает нам возможность поразмышлять об интеллектуальной жизни России в эпоху *fin de siècle* и о том, насколько определяющую роль играли личные политические принципы в процессах интерпретации и филиации.

Мережковский и Богданов — типичные продукты науки и интеллектуальной жизни XIX века, и отдельные черты их суждений ярко высвечиваются, если рассматривать их в сопоставлении. В данной статье будет показано, как биологические примеры кооперативного творения, от симбиогенеза до эусоциальных колоний насекомых, стали источником вдохновения для политически контрастных утопических воззрений Мережковского и Богданова. Несмотря на различие сфер их интеллектуальных интересов, оба эти мыслителя применяли метод аналогии, экстраполируя факты естественных наук на уни-

1 См. статью Р. Николози в данном блоке.

2 Блестящий критический отзыв на проект М. Уорк см. в: *Chehonadskih M. The Anthropocene in 90 Minutes // Mute Magazine. 2015. September 23. <http://www.metamute.org/editorial/articles/anthropocene-90-minutes> (дата обращения: 05.12.2022)*

версальные законы общества. Каждый из них создал свою теорию, доказывающую, что творческая и когнитивная деятельность обусловлены биологическим и физическим взаимодействием и составляют конечную цель органической жизни. Мысли Мережковского воплотились в его теории преобразования психической энергии, а идеи Богданова — в его теории языка как коллективной человеческой технологии, воздействующей на мир.

Несмотря на общность влияний, методов и источников, эти теоретики пришли к разным выводам об идеальном разделении труда внутри социального организма. Их расхождение во взглядах зиждется на отношении к вопросу, требует ли биологический или творческий труд централизованной организации и субординации — или допускает кооперативную самоорганизацию и мутуализм. Чтобы показать, в чем, собственно, состоит это расхождение, мы рассмотрим, как разделение труда представлено в научных, философских и литературных работах этих двух авторов. Два научно-фантастических романа Богданова о Марсе, «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913), были написаны примерно в то же время, что и два его основных философских труда: первый создавался одновременно с «Эмпириомонизмом», а второй — с «Тектологией». Мережковский работал над утопическим романом «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века» в 1899—1900-е годы, почти одновременно с созданием теории симбиогенеза, которую он опубликовал в 1905 году. Эта синхронность побуждает нас читать литературные произведения Богданова и Мережковского как своего рода практическое воплощение их теорий, однако роль этих текстов не ограничена иллюстрированием социальных и научных воззрений и ценностей их авторов. Они представляют собой то, что Богданов называет «миростроительством»: познавательную и социальную организацию опыта, которая обладает потенциалом смещать эпистемологические парадигмы.

Разделение труда: клетки, органы, организмы, общества

История концепции разделения труда — отличный пример концептуальных обменов между естественными и социальными науками в XIX — начале XX века. Многим разделение труда представлялось универсальным законом, предполагающим высокий уровень организованности, более заметное различие между частями и возрастающую сложность целого. Камиль Лимож проследил, как эта концепция мигрировала между социальными и биологическими науками, обретая форму в таких теориях, как экономическое разделение труда (Адам Смит), физиологическое разделение труда (Анри Мильн-Эдвардс), экологическое разделение труда (Чарльз Дарвин) и социальное разделение труда (Эмиль Дюркгейм) [Limoges 1994: 331].

Разделение труда было одной из важнейших концепций эволюционной биологии: возрастающая специализация функций и структурированность считались признаком высших организмов. В своей истории симбиоза Ян Сапп показывает, как лишайник, мутуалистический организм, состоящий из грибов и зеленых водорослей, породил целый ряд социальных метафор, характеризующих разделение труда и благ между симбионтами [Sapp 1994]. Швейцарец Симон Швенденер уподобил симбиоз грибов и водорослей в лишайнике отноше-

ниям хозяина и раба [Schwendener 1869: 3], а датчанин Эугениус Варминг ввел специальный термин для этих отношений: «илотизм» (от греч. *helot* — закрепощенный работник) [Warming 1925: 85—86].

Эусоциальные насекомые послужили еще одной моделью физиологического разделения труда, но среди индивидов одного вида. Пчелиный улей и колония муравьев представляет собой надорганизм, часто рассматриваемый как модель биологической и социальной кооперации, хотя не прекращаются дискуссии о роли матки в организации деятельности колонии.

Можно было бы классифицировать симбиогенез как теорию клеточного разделения труда, при котором кооперация независимых прокариотических организмов порождает эукариотическую клетку. Русские биологи были выдающимися теоретиками симбиогенеза, и важным объектом их экспериментальных исследований была зоохлорелла, водоросль, которая зачастую живет в симбиозе с протистами и другими организмами низшего порядка [Sapp 1994: 47—48]. Русский биолог А.С. Фаминцын (1835—1918) в ходе своих экспериментов отделял зоохлореллу от ее симбионтов и культивировал ее в искусственной среде. Он обнаружил, что зоохлорелла могла существовать как свободноживущий организм и предположил, что, судя по этому свидетельству, хлоропласты в растительных клетках изначально были эндосимбионтами — независимыми организмами, которые поселялись в клетке. Теория симбиотического происхождения растительной клетки приобрела известность как симбиогенез — этот термин ввел соперник Фаминцына Константин Мережковский [Захаров 2010: 67; Mereschkovsky 1905]. Мережковский выдвинул две гипотезы: первую — что хлоропласты (хроматофоры) в растительной клетке произошли от симбиотических цианобактерий (1905), и вторую — что ядро всех эукариотических клеток развилось из симбиоза между прокариотами (1910). В русле дискурса в понятиях «раб — хозяин», распространенного среди его коллег-лихенологов, Мережковский говорит о хроматофорах как о рабах: «Пальме не надо работать, трудиться для того, чтобы жить; в ее тканях содержатся миллионы и миллионы маленьких рабов (хроматофоров), которые трудятся весь день (ночью они отдыхают), работают на нее и кормят ее» [Méřejkovsky 1920: 97]. Ученый выводит из этой субординации собственное видение Великой цепи бытия, вдохновленное энергетикой Вильгельма Оствальда и синтетической философией Герберта Спенсера. В заключении своей статьи на французском языке «Растение, рассматриваемое как симбиотический комплекс» («*La Plante considérée comme un complexe symbiotique*», 1910) он указывает на особую роль растений во вселенском преобразовании энергии: следуя принципу разделения труда, «растительный мир вбирает солнечную энергию и превращает ее в потенциальную химическую энергию в виде альбуминоидных веществ, так чтобы животный мир, питающийся растениями, мог со всей своей мощью превращать ее в психическую энергию» [Ibid.: 97].

Мережковский продолжает рассуждать о разделении труда между растительным и животным царством в своей философской работе «Универсальный ритм как основа новой концепции вселенной» («*Le Rythme universel*»), опубликованной на французском в 1920 году. Он утверждает, что вселенная эволюционировала от одномерного пространства до четырехмерного, причем каждая стадия и пространственное измерение обладали собственной формой энергии: от рентгеновской радиации (одномерное пространство) до электричества (двумерное пространство), механической и молекулярной энергии

(трехмерное пространство) и, наконец, психической энергии (умозрительное четырехмерное пространство). Роль растений в этой схеме — преобразовывать солнечную энергию в механическую и молекулярную, которую люди затем преобразовывают в психическую энергию. Мережковский поясняет, что эта психическая энергия «лишь преобразование механической энергии, содержащейся в органической пище, которую мы поглощаем. И в нашем мозгу, функционирующем благодаря этой еде, энергия трехмерного мира переходит в другой мир, преобразуясь в психическую энергию. Мы фабрики, на которых постоянно производится из еды эта энергия» [Mereschkovsky 1920: 15]. Таким образом, в монистической системе Мережковского предлагается материалистическое объяснение когнитивной и художественной деятельности.

Мережковский иллюстрирует процесс эволюции, описывая последовательные стадии разделения и интеграции среди растений: от клеток, которые он называет «скоплениями симбионтов», до колоний идентичных клеток, а затем — до все более сложных организмов с четко выделенными и специализированными органами [Ibid.: 46]. Ученый отмечает, что люди и человеческие сообщества эволюционируют в ходе точно таких же процессов, и это напоминает спенсеровскую трактовку биологических основ общественности в эссе «Социальный организм». По совпадению, Спенсер также избрал *vorticella*, микроскопическую инфузорию, часто живущую в симбиотических отношениях с зоохлореллой, в качестве примера того, как индивидуальные организмы приходят к формированию первых примитивных колоний. Спенсер описывает скопления таких простейших как «общество в самом низшем смысле», поскольку в нем нет ни организации, ни взаимозависимости между индивидами. Он предлагает их в качестве «анalogии начальным стадиям человеческих обществ». Далее он поясняет, что у наиболее примитивных человеческих сообществ, напоминающих колонии *vorticellae*, «не существовало разделения труда — за исключением такового между полами, и единственным видом взаимопомощи было нападение или защита общими силами. Мы видим неструктурированную группу индивидов, формирующую зародыш общества; так же, как в однородной группе клеток, упомянутой выше, мы видим начальную стадию животной и растительной организации» [Spencer 1891: 278—279]. В то время как в примитивных обществах существует только межполовое разделение труда, отмечает Спенсер, более продвинутые общества демонстрируют более строгую специализацию и дифференциацию индивидуальных его частей. Ученый сравнивает появление двух определенных классов (зависимых работников и управляющих) с дифференцировкой тканей зародыша (энтодермы и эктодермы). Одна из этих тканей (и по аналогии один из этих классов) специализируется на кормлении организма, а другая функционирует как нервная система: «...класс зависимых тружеников... посвящает себя процессу питания; а класс управляющих... посвящает себя согласованной деятельности всего политического тела» [Ibid.: 285].

Как и Спенсер, Мережковский был радикален в своем мышлении по аналогии: в своем единственном крупном художественном произведении «Рай земной» он также указал на природные предпосылки классового неравенства в физиологическом разделении труда. Роман Мережковского обладает многими типичными чертами жанра утопии: повествователя выбрасывает на футуристический остров с радикально новой социальной и политической структурой, которую ему объясняет «покровитель» Эзрар. Однако в этой утопии

присутствуют сексуальная и биополитическая образность, отражающая склонность Мережковского к педофилии и расизму³.

Разделение труда в этом утопическом обществе эксплицитно уподоблено организации у эусоциальных насекомых, но также оно соответствует и разрабатываемой Мережковским концепции симбиотического происхождения клетки. Люди в этом обществе функционируют в рамках своей генетической и физиологической специализации: это устройство, как объясняет повествователю Эзрар, происходит из убеждения, что «труд, ум, и счастье» — необходимые, но несовместимые элементы человеческой жизни. Решение проблемы — в специализации: «рабы» занимаются физическим трудом, «покровители» — трудом интеллектуальным (или психическим), а «друзья» наслаждаются продуктами этого труда. «Друзья» — это неотенический подвид людей, которых из поколения в поколение отбирали за красоту и веселый нрав. Их единственное занятие — это эротическая любовь и игры, а их единственная функция в социальном организме, судя по всему, эстетическая. Повествователь обобщает: «Вы устроили нечто вроде разделения труда, и какое оригинальное: одни существуют специально для наслаждения жизнью — это детство и юность человечества, другие — представители зрелого возраста и старости — существуют для того, чтобы заботиться о первых и любоваться их счастьем и, наконец, третьи трудятся и работают за всех» [Мережковский 2003: 658]. Эзрар мягко поправляет его: «...получилось то, что вы не совсем верно назвали разделением труда и что я бы назвал гармонией» [Там же].

В разделении труда, каким оно показано в «Рае земном», можно усмотреть параллели со спенсеровским эссе «Надорганическая эволюция», включенном в «Основания социологии». Спенсер отмечает, что среди муравьев «наиболее развитые демонстрируют нам разделение труда, организованное таким образом, что разные классы индивидов структурно приспособлены к разным функциям» [Spencer 1898: 5]. Структурно-функциональное приспособление членов утопического общества у Мережковского напоминает то, о котором говорит Спенсер применительно к эусоциальным насекомым. Наиболее заметно социальная функция здесь влияет на структурно-биологическое приспособление подвида «рабов». Эзрар объясняет повествователю, что рабов «размножили» и «дрессировали» к выполнению определенных задач, «которые они исполняют охотно, нисколько этим не тяготясь, по влечению, как работают пчелы и муравьи» [Мережковский 2003: 659]. Потомки племен, живших на грани голодной смерти, «рабы» играют теперь фундаментальную роль в социальном порядке этой утопии, выполняя необходимые работы и наслаждаясь стабильностью и удовлетворением их базовых потребностей. Повествователь подхватывает предложенную собеседником аналогию: «...ваши рабы мне ужасно напоминают пчел и муравьев» [Там же: 713]. За вычетом отдельных индивидов, проявляющих атавистический интерес к науке, каждый член этого общества идеально подогнан — биологически, интеллектуально и психологически — к своей функции. «Рабы» у Мережковского производят еду, а «покровители» функционируют как «нервная система» надорганизма. Это мироустройство напоминает спенсеровскую аналогию с зависимыми работниками, которые

3 Мережковский совершил ряд сексуальных преступлений против несовершеннолетних и был активным антисемитом. Однако рассмотрение этих тем не входит в задачи данной статьи. Их подробное обсуждение см.: [Золотоносов 2003].

питают организм, как эндодерма эмбриона, и управляющими, которые управляют деятельностью организма, как эктодерма эмбриона. Каждый элемент евгенической утопии в «Рае земном» идеально физиологически адаптирован к своей функции.

Размножение позволено только в рамках своего подвида, а специализация по роду деятельности напоминает видообразование, как у Г. Уэлса в «Машине времени» (1895). Если «рабы» разительно отличаются от «покровителей» и «друзей», то последние две категории оказались подвержены «полиморфизму в легкой форме»: они изначально принадлежали к одной расе, но со временем, в результате «искусственного подбора», у них произошло расхождение признаков и свойств. Схема эволюции у Мережковского придает смысл данному социальному устройству: социальная эволюция движется от колонии идентичных индивидов к появлению индивидов с видовыми отличиями и разделению труда — и, наконец, к новому единству скоординированного надорганизма⁴.

Традиционное межполовое разделение труда существенно усложнено у «друзей», поскольку женская сексуальная деятельность подразделена на эротическую и репродуктивную. Некоторые женщины выводятся «для поэзии любви» (у них узкий таз и маленькие груди), тогда как другие отбираются для беременности, выкармливания детей и заботы о них. Индивиды из этой малочисленной группы названы «матками» по аналогии с муравьиными матками, способными рожать «и себе подобных самок и самцов, и солдат, и бесполок рабочих» [Там же: 673]: они произошли от случайно появившегося типа, но были усовершенствованы и могут производить потомство всех человеческих разновидностей.

Объяснение Эзра звучит отголоском спенсеровского замечания о том, что колонии эусоциальных насекомых подобны семье, состоящей из «потомства одной матери... и эта материнская община подразумевает возможность классов, имеющих несхожие структурные признаки и, как следствие, несхожие функции. Вместо того чтобы быть сродни специализации, возникающей в обществе (в полном смысле этого слова), специализация, которая возникает в одной из таких больших и сложных семей насекомых, сродни той, что возникает между полами» [Spencer 1898: 6]. Если половой диморфизм возможен между людьми, разумно предположить, что так же возможен и полиморфизм, что обеспечивает гармоничную соадаптацию физиологической структуры и социальных функций. Следовательно, специализация и разделение труда устраняют «борьбу за существование» [Мережковский 2003: 721]. Как было отмечено выше, Эзра утверждает, что разделение труда синонимично социальной гармонии [Там же: 658].

Спенсеровская система синтетической философии оказала глубокое влияние не только на Мережковского, но и на Александра Богданова. «Тектология», которую Богданов определяет как «всеобщую организационную науку», напоминает синтетическую философию Спенсера и использованием метода аналогий, и стремлением послужить ключом ко всем наукам. В программном предисловии к «Тектологии» Богданов называет «по-детски наивной» точку зрения ученых, видящих в «глубоком сходстве соотношений в... самых далеких одна от другой областях опыта... простые аналогии, не более» [Богданов 1989,

4 Эта схема также напоминает дюркгеймовскую теорию социального разделения труда.

1: 78—79]. Для Богданова именно в этих аналогиях «выступает загадка и возникает необходимость исследования. При бесконечном богатстве материала вселенной и бесконечном разнообразии форм откуда берутся эти настойчиво, систематически повторяющиеся и возрастающие с познанием аналогии?» [Там же: 79]. Он полагает, что, исследуя эти аналогии, можно обнаружить «действительное единство организационных методов... в психических и физических комплексах, в живой и мертвой природе, в работе стихийных сил и сознательной деятельности людей» [Там же].

Спенсеровская органическая социология основана на аналогиях между биологическими и социальными организмами — сходным образом биология играет значительную роль и в богдановских тектологических моделях. Как показала Симона Пустильник, из многочисленных иллюстраций к принципам «Тектологии» многие были взяты, в частности, из биологических исследований, опубликованных в научно-популярном журнале «Природа» [Poustilnik 1998: 64]. Несмотря на то что Спенсер обладал значительным влиянием в России, его консервативные политические принципы смущали прогрессивных деятелей вроде Богданова. Если Мережковский обращает внимание на предупреждения Спенсера о том, что социализм — это «грядущее рабство», то Богданов пытается дистанцироваться от Спенсера. В дискуссии с Николаем Бердяевым Богданов признал влияние на него спенсеровского «эволюционизма», однако отметил, что он компенсировал различные недостатки синтетической философии Спенсера, введя в свою систему эмпириокритицизм Рихарда Авенариуса и энергетику Вильгельма Оствальда [Богданов 1902]⁵. Несмотря на стремление Богданова включить энергетику и физические науки в свою универсальную систему, органическая социология Спенсера продолжала оказывать особенно мощное воздействие на многие тектологические концепции. Например, как полагает Даниела Стейла, «богдановская “энергетическая” интерпретация труда соотносится скорее с биологией, чем с физикой» [Стейла 2016: 72]. Здесь этот вопрос в особенности интересует нас именно в отношении богдановских размышлений о разделении труда.

Богданов отмечает, что многоклеточные организмы появляются в результате кооперации между клетками, формирующими колонию, а не «борьбы между этими клетками» [Богданов 1913: 217]. Каждый отдельный человек «есть колония из 50—100 триллионов неуловимо малых живых существ» [Богданов 1925: 94]. Богданов также сопоставляет «социальное хозяйство у человека и высших насекомых», сравнивая деятельность термитов и муравьев с такими человеческими занятиями, как земледелие, скотоводство и строительство. Как и Спенсер, он замечает, что «и у людей первоначальное разделение труда было именно физиологическое, основанное на различии мужского и женского организма», но люди в рамках рыночных отношений пришли к более сложно-организованному разделению труда. Обратим внимание, что, рассуждая о разделении труда в колонии насекомых, Богданов пересматривает традиционное понимание роли матки: «...мать является не руководительницей работ, не властью в своей общине, а ее живой, кровной связью; есть много оснований предполагать, что такова же была роль прародительницы в первобытных формах матриархата у людей» [Богданов 1989, 1: 76].

5 В своей статье данного блока Елена Фратто размышляет об энергетическом обмене у Богданова. О полемике Богданова и Бердяева подробнее см.: [White 2018: 74].

В «Рае земном» Мережковского разделение труда происходит на физиологической основе и для координации деятельности общества в целом необходимо централизованное руководство — в этом качестве выступают «покровители», выполняющие роль нервной системы этого надорганизма. Но Богданов подчеркивает, что «матка у социальных насекомых — только центр родовой жизни и кровной связи общины, а не руководительница труда» [Богданов 1989, 2: 104], так что понятие о ней как о «царице» основано на ложной аналогии.

Для Богданова стандартная концепция матки как правительницы улья — это артефакт авторитаризма, или то, что он бы назвал социоморфизмом. Говоря о царице, властвующей над колонией насекомых, Солнце, властвующем над Солнечной системой, или мозге, властвующем над телом, мы порождаем артефактный социоморфизм авторитаризма. Хотя такая «централизованная» организация и является универсальной формой, будет ошибкой проецировать на нее устаревшие властные отношения. В человеческой колонии появятся новые эпистемологические условия, а с ними и новые возможности для свободы и самореализации в коллективном труде. Здесь у Богданова звучит отголосок рассуждений Кропоткина, который, размышляя о взаимной помощи у муравьев, пишет: «Прежние наблюдатели часто говорили о “королях”, “королевах”, “управителях” и т.п., но... невозможны сомнения в том, что во всех действиях муравьев (включая и их войны) каждому индивидууму предоставляется широкий простор для проявления личной инициативы» [Кропоткин 2007: 24]. Богданов в том же ключе описывает человеческую колонию из будущего, где координированная социальная деятельность совместима с личной инициативой и свободой, что воплощается в системе распределения труда в романе «Красная звезда»⁶.

Организация труда в богдановской марсианской утопии предотвращает убийственное однообразие специализации: работник свободен перейти на другую работу в любой момент. Богданов полагает, что специализация — это необходимая стадия развития, но она привела к «превращению людей в живые машины» на производстве — и к «профессиональной узости», «нагромождению материала» и «расхождению методов» в науке. Поворотным моментом стало фундаментальное изменение в разделении труда: «специализация с людей переходит на машины» [Богданов 1913: 264—265]. Технология решит проблему организации и власти в колонии: усложнение машин потребует, чтобы все работники стали менеджерами, а их труд станет организационным. Некогда сложное разделение труда будет заменено «простым распределением сил», что позволит работникам сотрудничать и поддерживать друг друга способами, которые преодолеют ограниченность «как авторитарного, так и анархического сотрудничества» [Богданов 1923: 343—344].

Остается вопрос: как же складывается организация? Богданов пишет, что в человеческом обществе выделились люди «организаторского» и «исполнительского» труда: те, кто отдает распоряжения и те, кто выполняет работу, — но эта специализация ролей, как и роль муравьиной «царицы», представляет собой социоморфизм авторитаризма. Заглавный персонаж романа «Инженер Мэнни», например, авторитарный гений, который был необходим на некоторой стадии исторического развития Марса, но отстал от жизни с появлением

---

6 Подробнее об организации труда см.: [Стейла 2016].

социалистического коллектива. То, что Богданов рассматривает распределение функций в клетке или улье как сотрудничество, а не субординацию, обусловлено его специфическим подходом к процессам, в ходе которых существующие системы вступают в отношения друг с другом. В «Тектологии» Богданов привлекает биологическую концепцию конъюгации к разработке одного из механизмов, формирующих организованные комплексы. В биологии конъюгация — это слияние двух одноклеточных организмов. Богданов использует симбиотические отношения между сувойкой (*vorticella*) и зоохлореллой как пример этого универсального вида организации. Поскольку каждый из двух организмов производит отходы, которые другой потребляет, эти симбионты иллюстрируют сбалансированную экономику биологического и энергетического обмена: «Понятно, что это целое практически располагает большей суммой активностей, чем если бы его части существовали отдельно: образец бесконечно распространенного типа организационных связей» [Богданов 1989, 1: 117—118]⁷.

Конъюгация создает целое, которое больше, чем сумма его частей, и потому оно является более высокоорганизованной системой. В биологии за конъюгацией двух организмов и частичным обменом или слиянием их ядер следует процесс деления клетки и появление совершенно нового организма с комбинированными свойствами, который, как пишет Богданов, оказывается «не просто умноженным повторением старых» форм. Таким образом, «размножение оказывается творчеством», так что в самом термине «конъюгация» есть «скрытое указание на творчество» [Там же: 144]. Столь пристальное внимание к слиянию двух клеточных ядер, или организационных центров, в единое целое отражает богдановские взгляды на возможности физиологического и творческого единения. Это не отношения субординации: конъюгация есть форма симпозиетического творчества.

Конъюгация становится предметом обсуждения и деталью сюжета в двух богдановских научно-фантастических романах. В «Инженере Мэнни» один персонаж в разговоре объясняет, как индивиды должны быть слиты в социалистический коллектив: нужно «связать их высшей связью, их стихийно-противоречивое сотрудничество сделать гармонически-стройным, слить их в едином разумном организме человечества» [Богданов 1925: 93]. Мы видим воплощение этого принципа в сюжете «Красной звезды», когда марсиане обсуждают, следует ли им колонизировать Землю и истребить человечество. Нэтти, марсианский врач и возлюбленная землянина Леонида, признает, что основной движущей силой человеческой эволюции была напряженная борьба за существование, но считает, что это не должно остаться основным путем развития в будущем. Союз марсиан и землян, «соединение двух великих линий жизни» может привести к «высшей гармонии» [Богданов 1929: 158]. Отношения конъюгации между Нэтти и Леонидом становятся проверкой концепции изоморфного слияния двух их рас и обществ.

Конъюгация рассматривается как процесс, в ходе которого старые клетки, старые ткани, старые организмы и старые общества могут регенерировать и произвести истинно новые формы. Такова аналогия, избранная в «Красной

7 Неизвестно, был ли Богданов знаком с теорией симбиогенеза, но примечательно то, что он, Мережковский и Спенсер выбрали именно *vorticella* в качестве примера коллективизма.

звезде» для использования переливания крови с целью восстановления жизне-способности. Объясняя секрет молодости марсиан Леониду, Нэтти сравнивает слияние одноклеточных организмов и «обмен крови» [Там же: 107]. Как указал Николай Кременцов, Богданов видел в переливании крови форму «физиологической конъюгации» [Krementsov 2011: 54]. В «Тектологии» Богданов пишет, что, очевидно, как клетки, так и общества «способны к глубокой реальной конъюгации». Должен быть способен к ней и человеческий организм, как «многоклеточная колониальная система» и промежуточная стадия между клеткой и обществом. Признанию этого препятствует лишь «индивидуализм современного научного мышления, для которого идея глубокого физиологического обмена жизни личностей должна представляться не только чуждой, но прямо отталкивающей» [Богданов 1989, 2: 88]. Богданов провидит коллективное будущее, в котором люди, возможно, будут сливаться физиологически и психически — так, как не может представить себе индивидуалистическая наука.

Заключение

В деятельности и мышлении Мережковского и Богданова можно обнаружить множество удивительно сходных моментов. В фокусе их внимания оказались все основные проблемы их эпохи: дегенерация и жизнеспособность, сексуальные и асексуальные союзы, взаимоотношения естественных и социальных наук, специализация и разделение труда, роль организатора и исполнителя в коллективном организме общества, статус познания и творческой мысли в материалистической философии. Их идеи сформировались под значительным влиянием Герберта Спенсера и Вильгельма Оствальда. Но, исходя из этих общих предпосылок, Мережковский и Богданов создали глубоко несхожие теории и воплотили их на практике в своей жизни.

Радикальная научная теория симбиогенеза, разработанная Мережковским, не была претворена в радикальные социальные и философские взгляды — как те, с которыми выступили Линн Маргулис и Донна Харауэй. В своей социальной утопии «Рай земной» Мережковский описывает симбиотические отношения как отношения хозяина и раба, расширяя фокус от клетки до социального организма, для каждого из которых характерно глубокое разделение труда и иерархическая дифференциация частей. В своем философском трактате «Универсальный ритм» Мережковский приписывает этому разделению труда философское значение: нечеловеческий мир служит рабом для человека-хозяина, преобразуя солнечную энергию в молекулярную, которую люди, в свою очередь, преобразуют в психическую посредством когнитивной, языковой и творческой деятельности. Мережковский видит в клетке и в обществе необходимые отношения власти и субординации. Отголоски его скандальной жизни просматриваются и в разделении сексуального труда в «Рае земном», и в его описании хроматофор как «маленьких рабов» в каждой клетке, и в его патриархальном представлении о мужской власти, основанном на биологической аналогии с функцией ядра клетки или мозга в организме.

В жизни Богданова, как и у Мережковского, прaxis и поэзис стоят в одном ряду: он стремился реализовать теорию физиологической конъюгации в экспериментах по переливанию крови (и умер в 1928 году в результате проведе-

ния такого опыта на себе) и организовать коллективное творчество под эгидой Пролеткульта. В «Философии живого опыта» Богданов разрабатывает понятие «лестницы развития», начинающейся с неорганической материи и заканчивающейся человеческим коллективом:

Высшим пределом лестницы является для нас *человеческий коллектив*, в наше время уже многомиллионная система, составленная из индивидуумов. В труде и познании вырабатывает человечество свою «действительность», свой объективный опыт с его строгой закономерностью, с его стройной организацией. Практика великого социального организма есть не что иное, как *миростроительство*... [Богданов 1913: 256].

На утверждении Богданова о том, что человеческий коллектив вырабатывает собственную реальность в труде и познании, стоит остановиться подробнее. Это сущность социоморфизма и подтверждение монистического единства материальных и нематериальных сфер; как было отмечено выше, Богданов верил, что его универсальная организационная наука перешагнет границы между физическим и психическим [Богданов 1989, 1: 79]. В «универсальном ритме» Мережковского цель органической жизни определяется как преобразование механической и молекулярной энергии в психическую; «миростроительство» Богданова предполагает трансформацию «стихийной спонтанности» силой мысли. Язык, литература и искусство представляют собой высший уровень организации — психический. Основная разница состоит в том, что коллектив у Мережковского по сути своей склонен к *поэзису*, будучи централизованным методом организации и творчества, который воздействует на мир, а не вступает с ним в сотрудничество. Тогда как богдановский коллектив связан со спонтанной организацией и коллективным творчеством, то есть *симпоэзисом*.

В весьма интересной статье об отношениях между самоорганизацией и коэволюцией в произведениях Богданова Александр Огурцов объясняет:

Самоорганизация имеет дело со структурами, состояниями системы, а коэволюция — с отношениями между системами, с корреляцией эволюционных изменений. <...> При этом и самоорганизация, и эволюция трактуются по-новому, а именно: самоорганизация как динамическое равновесие, а эволюция как последовательность неравновесных состояний и их усложнение [Огурцов 1995: 32].

По словам Огурцова, Богданов рассматривает эволюцию как процесс, в котором присутствует «одновременное координирование и взаимоприспособление элементов» любого комплекса [Там же: 33]. Каждый элемент одновременно создает себя — и со-создает своих партнеров (родственников) и коллектив, членами которого все они являются. Элементы могут быть клетками или человеческими индивидами внутри колоний и коллективов; где бы то ни было, самоорганизация и эволюция поддерживают друг друга и соединены прихотливыми связями.

Термины, избранные Огурцовым для этих концепций в работах Богданова — самоорганизация и коэволюция, — можно перекодировать как *аутопоэзис* и *симпоэзис*. Чилийские биологи Умберто Матурана и Франсиско Варела создали термин *аутопоэзис* для описания самодостаточных живых систем вроде клетки, которые производят, преобразуют и регенерируют внутренние компоненты, поддерживающие непрерывные биологические процессы целого [Maturana, Varela 1980]. Концепция *аутопоэзиса* занимает важное место в гипотезе Геи,

разрабатываемой Маргулис, где земля представлена как макросистема, состоящая из бесчисленных подсистем. Как пишет Маргулис, «тогда как мельчайшее распознаваемое *аутопоэтическое* существо в современной биоте — это крошечная бактериальная клетка, крупнейшее — это Гея, регуляторная система на поверхности Земли, соединяющая в себе черты организма и окружающей среды и включающая в себя более тридцати миллионов видов» [Margulis 1997: 92].

Аутопоэзис также рассматривают как модель порождения литературных текстов, трактуя литературу как автономную самореференциальную систему [Livingston 2005]. А еще, возможно, нам стоит в развитии творческих идей Харауэй воспринимать *симпоэзис* не только как модель, но и как методологию чтения и письма, убедительное философское обоснование которой можно найти у Богданова. Как полагает Харауэй, «между аутопоэзисом и симпоэзисом существуют скорее генеративные расхождения, чем оппозиция» [Haraway 2017: 27]. Это согласуется с богдановским представлением об индивиде как субъекте одновременно *аутопоэзиса*, то есть самоорганизации, и *симпоэзиса* — в качестве творческого члена коллектива. В работах Богданова язык и искусство становятся связующим звеном между праксисом и поэзисом, а также между индивидом и коллективом, определяющим форму коллективного труда и обеспечивающим социальную организацию опыта. Богданов утверждает, что цель человеческой колонии — организация спонтанных сил материи, но не способна ли богдановская тектологическая модель вместить не только антропоцентрический *поэзис*, или миротворчество, но и *симпоэзис*: «со-творчество»?

Пер. с англ. Арины Волгиной

Библиография / References

- [Богданов 1902] — Богданов А.А. Polemika. K voprosu o noveyshikh filosofskikh techeniyakh // Voprosy filosofii. 1902. № 65. С. 1049—1059.
(Bogdanov A.A. Polemika. K voprosu o noveyshikh filosofskikh techeniyakh // Voprosy filosofii. 1902. № 65. P. 1049—1059.)
- [Богданов 1913] — Богданов А.А. Философия живого опыта: популярные очерки. СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1913.
(Bogdanov A.A. Filosofiya zhivogo opyta: populyarnye ocherki. Saint Petersburg, 1913.)
- [Богданов 1923] — Богданов А.А. Философия живого опыта: популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. С приложением: «От монизма религиозного к научному». Пг.: Книга, 1923.
(Bogdanov A.A. Filosofiya zhivogo opyta: populyarnye ocherki. Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskiy materializm, empiriomonizm, nauka budushchego. S prilozheniem: "Ot monizma religioznogo k nauchnomu". Petrograd, 1923.)
- [Богданов 1925] — Богданов А.А. Инженер Мэнни. Л.; М.: Книга, 1925.
(Bogdanov A.A. Inzhener Menni. Leningrad; Moscow, 1925.)
- [Богданов 1929] — Богданов А.А. Красная звезда. Л.: Красная газета, 1929.
(Bogdanov A.A. Krasnaya zvezda. Leningrad, 1929.)
- [Богданов 1989] — Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М.: Экономика, 1989.
(Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: In 2 bks. Moscow, 1989.)
- [Захаров 2010] — Захаров И.А. 100 лет теории симбиогенеза // Экологическая генетика. 2010. № 2. С. 66—70.
(Zakharov I.A. 100 let teorii simbiogeneza // Ekologicheskaya genetika. 2010. № 2. P. 66—70.)

- [Золотоносов 2003] — *Золотоносов М.Н.* Братья Мережковские. Кн. 1. Отщепенis Серебряного века. М.: Ладомир, 2003.
- (*Zolotonosov M.N. Brat'ya Merezhkovskie*. Bk. 1. Otshchepenis Serebryanogo veka. Moscow, 2003.)
- [Кропоткин 2007] — *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2007. https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html (дата обращения: 03.09.2021).
- (*Kropotkin P.A. Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii*. Moscow, 2007. https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html (accessed: 03.09.2021).)
- [Мережковский 2003] — *Мережковский К.С.* Рай земной, или Сон в зимнюю ночь // Золотоносов М.Н. Братья Мережковские. Кн. 1. Отщепенis Серебряного века. М.: Ладомир, 2003. С. 631—853.
- (*Merezhkovskii K.S. Ray zemnoy, ili Son v zimnyuyu noch' // Zolotonosov M.N. Brat'ya Merezhkovskie*. Bk. 1. Otshchepenis Serebryanogo veka. Moscow, 2003. P. 631—853.)
- [Огурцов 1995] — *Огурцов А.П.* Тектология А.А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 31—37.
- (*Ogurtsov A.P. Tektologiya A.A. Bogdanova i ideya koevolutsii // Voprosy filosofii*. 1995. № 8. P. 31—37.)
- [Стейла 2016] — *Стейла Д.* Рецензии труда в дореволюционном большевизме: от биологии к религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 63—74.
- (*Stella D. Labor Between Biology and Religion // Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*. 2016. Iss. 4. P. 63—74.)
- [Haraway 2017] — *Haraway D.* Symbiogenesis, Sympoiesis, and Art Science Activisms for Staying with the Trouble // Arts of Living on a Damaged Planet / Ed. by A. Lowenhaupt Tsing et al. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017. P. 25—50.
- [Khakhina 1992] — *Khakhina L.* Concepts of Symbiogenesis: A Historical and Critical Study of the Research of Russian Botanists / Ed. by L. Margulis. New Haven: Yale University Press, 1992.
- [Krementsov 2011] — *Krementsov N.* A Martian Stranded On Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- [Limoges 1994] — *Limoges C.* Milne-Edwards, Darwin, Durkheim and the Division of Labor // The Natural Sciences and the Social Sciences / Ed. by I. Bernard Cohen. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 317—343.
- [Livingston 2005] — *Livingston I.* Between Science and Literature: An Introduction to Autopoietics. Chicago: University of Illinois Press, 2005.
- [Margulis 1997] — *Margulis L.* Kingdom Animalia // Margulis L., Sagan D. Slanted Truths: Essays on Gaia, Symbiosis, and Evolution. New York: Springer-Verlag, 1997.
- [Maturana, Varela 1980] — *Maturana H.R., Varela F.J.* Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht: Springer Netherlands, 1980.
- [Méréjkovsky 1920] — *Méréjkovsky C.* La Plante considérée comme un complexe symbiotique // Bulletin de la Société des Science Naturelles de l'Ouest de la France. 1920. T. VI. P. 17—98.
- [Mereschkovsky 1920] — *Mereschkovsky C.* Le Rythme universel, comme base d'une nouvelle conception de l'univers. Geneva and Lyon: Georg and Co. S. A. Librairie de l'Université, 1920.
- [Mereschkowsky 1905] — *Mereschkowsky C.* Über Natur und Ursprung der Chromatophoren im Pflanzenreiche // Biologisches Centralblatt. 1905. № 25. P. 593—604.
- [Poustilnik 1998] — *Poustilnik S.* Biological Ideas in Tektology // Alexander Bogdanov and the Origin of Systems Thinking in Russia / Ed. by J. Biggart et al. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 63—73.
- [Sapp 1994] — *Sapp J.* Evolution by Association: A History of Symbiosis. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- [Schwendener 1869] — *Schwendener S.* Die Algentypen der Flechtengonidien. Basel: Schultze, 1869.
- [Spencer 1891] — *Spencer H.* Essays: Scientific, Political, and Speculative: In 3 vols. Vol. 1. London: Williams and Norgate, 1891.
- [Spencer 1898] — *Spencer H.* Principles of Sociology: In 3 vols. Vol. 1. New York: Appleton and Company, 1898.
- [Wark 2016] — *Wark M.* Molecular Red: Theory for the Anthropocene. New York: Verso, 2016.
- [Warming 1925] — *Warming E.* Oecology of Plants; An Introduction to the Study of Plant-Communities. London: Oxford University Press, 1925.
- [White 2018] — *White J.* Red Hamlet: The Life and Ideas of Alexander Bogdanov. Leiden: Brill, 2018.